

34. 84. 6. 1278

Озерки или Шеріюки?

Дачный эпизодъ въ письмахъ

О. Тверскаго.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
«Владимірская» Паровая Типо-Лит. Мордуховскаго Владимірскаго пр., д. № 19.
1899

403
/ 75

карт
нет

Доволено цензурою С.-Петербургъ 19 Юня 1899 года.

Письмо первое.

Дорогая Надя!

Найду ли я слова, чтобы передать тебѣ въ какомъ горѣ и отчаяніи я нахожусь со вчерашняго дня! Если бы ты увидѣла свою Вѣру, изнывающую въ безнадежной тоскѣ, то сразу догадалась бы о томъ, что я хочу сообщить тебѣ. Его болѣе нѣтъ въ Твери! Онъ уѣхалъ! уѣхалъ!! пойми это. Я одна, покинута, оставлена на произволъ судьбы, въ слезахъ и отчаяніи! О, еслибы ты была теперь около твоей бѣдной кошечки! Ты навѣрно утѣшила бы ее, успокоила, урезонила бы! Я сейчасъ представляю себѣ, какъ ты разумница всегда спокойная, послѣдовательная, вопросительно оставила бы на меня свои умные, серьезные глаза, какъ будто говоря: что ты убиваешься? Вѣдь не на вѣкъ же онъ уѣхалъ. Скажи куда онъ отправился, въ какія палестины, а тамъ видно будетъ; что нужно сдѣлать. Ахъ, ты права, тысячу разъ права, другъ мой, а я безразсудная, пылкая дѣвченка, сразу потеряла голову. Но не думай, что я не умѣю сдерживать себя. Только одной тебѣ и изливаю я свое горе. Отецъ и мать ничего не знаютъ о моемъ увлеченіи, даже ничего не подозрѣваютъ и... Но лучше рассказать тебѣ все по порядку, а то я начала съ конца. Но вѣдь я сама не знаю, что дѣлаю, я такъ несчастна! такъ несчастна! Вотъ...

Прости, что прервала письмо на интересномъ мѣстѣ, но сейчасъ мимо нашихъ оконъ прошла рота съ музыкой и солдаты играли полонезъ, при которомъ произошла наша первая встрѣча, и тотъ хорошенькій поручикъ который нечаянно толкнулъ его тогда — помнишь? Но гдѣ тебѣ помнить это! О! я никогда не забуду этого момента! Онъ подошелъ ко мнѣ — то есть Викторъ, а не поручикъ, глаза наши встрѣтились и — участь твоей бѣдной Вѣры была рѣшена. Онъ попросилъ меня на вальсъ и я... Ахъ! къ чему я повторяю опять то, что говорила тебѣ сотни разъ? Теперь все

«Только одной тебѣ и изливаю я свое горе» ..

это прошло, прошло невозвратно. Но вот въ чемъ дѣло! Тутъ есть одна отвратительная женщина, противная такая, она вдова доктора Вражскаго! ты, можетъ быть, видала ее, знаешь. Многіе считаютъ ее красавицей и вотъ эта то самая особа постаралась разлучить насъ. Она устроила нашу разлуку, повліявъ на его мать, къ которой питаетъ—какъ она выразилась—сердечную дружбу! Молодая женщина къ старухѣ! О если бы ты услышала мой смѣхъ въ эту минуту, то у тебя, навѣрное, волосы встали бы дыбомъ. О, эта вдова. Не знаю, почему, но я всегда ненавидѣла этотъ сортъ женщинъ. Они всегда хотятъ равняться съ нами дѣвушками, отбиваютъ у насъ обожателей и, въ концѣ концовъ, торжествуютъ надъ нами потому что, благодаря преимуществу своего положенія, ведутъ себя съ тою непринужденностью, которая заставила бы покраснѣть самую смѣлую изъ насъ дѣвушекъ. Тоже самое произошло и теперь. Представь себѣ, душа моя, до чего она позволяетъ себѣ фамильярничать съ нимъ. Она вдругъ останавливаетъ его на моихъ глазахъ, чтобы поправить ему галстукъ, выбившійся изъ воротника, а потомъ, безъ церемоніи, велитъ ему сѣсть рядомъ съ нею и не уходить, пока она не разрѣшитъ ему это. Какъ это тебѣ нравится? А на дняхъ она осмѣлилась замѣтить, что ничего не можетъ быть глупѣе и безтолковѣе браковъ, гдѣ мужъ и жена одинаковаго возраста. Тутъ пути не будетъ! Они скоро надоѣдятъ другъ другу. Самый счастливый бракъ тотъ, гдѣ одна старшая сторона—разумѣется женщина—правственно вліяетъ на другую. Умная жена всегда сумѣетъ перевоспитать мужа по своему, и тому подобное...—Какое? Какъ тебѣ это нравится? И такіе то мысли эта женщина имѣетъ дерзость развивать въ моемъ присутствіи. Я, положимъ, твердо убѣждена, что этой сумасшедшей не удастся женить его на себѣ, но кто знаетъ?—у такихъ бабъ всегда въ запасѣ разныя хитрости. Достаточно сказать тебѣ что благодаря ей онъ уѣхалъ! его здѣсь болѣе нѣтъ!—и этимъ сказано все. Въ лексиконѣ твоей бѣдной Вѣры стоитъ только онъ уѣхалъ! уѣхалъ!! уѣхалъ!!! и ничего болѣе.

Твоя безутѣшная Вѣра.

Письмо второе.

Дорогая Надя.

Я кажется, дѣйствительно написала тебѣ ужасную чепуху, въ которой трудно было разобраться. Прости, меня, ради Бога! но если бы ты могла заглянуть въ мое истерзанное горемъ сердце, то не удивилась бы нисколько, и пожалѣла бы свою бѣлую кошечку, какъ ты меня всегда называешь. Получивъ твое длинное письмо, я ужасно обрадовалась, немало и даже утѣшилась. Ты нарисовала мнѣ идиллію своей мирной, тихой жизни и я, въ душѣ, порадовалась за тебя, порадовалась твоему счастью, которое вскорѣ должно еще болѣе увеличиться исполненіемъ твоего пламеннѣйшаго желанія. О! какъ я хотѣла бы быть также счастлива, какъ ты! Есть кому позавидовать! Ты спрашиваешь меня, куда онъ уѣхалъ?—О, далеко, далеко! Ты знаешь, что его здѣсь всѣ любили, всѣ хлопотали устроить его получше и вотъ банкиръ, у котораго онъ служить, послалъ его—по просьбѣ Вратевой конечно—своимъ довѣреннымъ по дѣламъ банка въ Петербургъ, гдѣ ему придется прожить неопредѣленное время. Въ Петербургъ! понимаешь ли ты, въ Петербургъ, гдѣ столько соблазна, столько возможности свихнуться, молодому, неопытному человѣку. Эта злая фурія нарочно оторвала его отъ моего сердца. Говорятъ Петербургъ настоящій Вавилонъ, что тамъ много вѣтренныхъ, легкомысленныхъ, безсердечныхъ женщинъ, которымъ ничего не стоитъ поймать въ свои сѣти неопытнаго юношу, обратить его, да и пустить его на всѣ четыре стороны. А онъ такъ слабъ, такъ робокъ. Ему не уйти отъ чаръ этихъ опасныхъ! накрашенныхъ прелестницъ, которыхъ больше прельщаетъ кошелекъ мужчины, нежели онъ самъ. Кромѣ того, какъ я узнала, Викторъ помѣстился въ домѣ банкира, который очень богатъ, и имѣетъ нѣсколько взрослыхъ дочекъ. Вотъ гдѣ главная опасность! Теперь наступаетъ лѣто, когда оставаться въ Петербургѣ зажиточнымъ людямъ считается не *comme il faut* и всѣ переселяются въ окрестности на дачу, или ѣдутъ на воды, поэтому семейство банкира переѣхало въ Озерки, гдѣ проведетъ лѣто на роскошной собственной дачѣ. Понятно, и Викторъ ѣдетъ съ ними, потому что ему приходится быть въ Петербургѣ не каждый день, такъ какъ дѣла службы позволяютъ ему заниматься дома. Вотъ я и ломаю голову день и ночь надъ придумываніемъ какого нибудь средства, чтобы разстроить козни злой женщины, но, при всемъ желаніи, ни до чего не додумалась. Помогни и посоветуй ты твоей бѣдной Вѣрѣ.

Письмо третье.

Дорогая Надя.

Повѣришь ли ты мнѣ, ненаглядная моя, что у меня не выходитъ изъ головы мысль объ Озеркахъ и что я даже приобрѣла себѣ планъ Петербурга и его окрестностей и по цѣлымъ часамъ изучаю путь, по которому можно до него добраться изъ Твери. Я даже уже знаю, сколько времени нужно на дорогу, сколько стоитъ билетъ втораго класса съ спальнымъ вагономъ, однимъ словомъ, знаю все, все! Конечно, я строю воздушные замки, но занятіе это такъ отраднo, такъ увлекательно! Я мысленно лечу туда, не зная ни усталости, ни отдыха, стремлюсь туда, гдѣ онъ, въ ту мѣстность, въ тотъ домъ, наконецъ, прихожу, бросаюсь къ нему на шею и — я дома! Каково разочарованіе?!

Если бы ты знала, какъ бьется мое сердце! Если бы ты видѣла, какъ быстро летитъ мое перо по бумагѣ, чтобы какъ можно скорѣе повѣдать тебѣ, что волнуетъ мою душу. Ты думаешь сладкая, отрадная дѣйствительность? О, нѣтъ! только лучъ, только одинъ свѣтлый лучъ надежды, разсѣявшій мракъ души моей и озарившій радостью мое бѣдное, измученное сердце. Но, чтобы не быть неблагодарной, я должна признаться, что это гораздо болѣе, нежели только лучъ надежды. Я получила отъ него вѣсточку!! не письмо, нѣтъ, на это онъ не рѣшится, но знакъ, что онъ не забылъ меня, что онъ — любить меня, да, Надичка, милочка моя, любить сердечно!

По описанію я узнала, что Озерки прелестная дачная мѣстность по Финляндской желѣзной дорогѣ, недалеко отъ Петербурга, изобилующая озерами малыми и большими, отъ которыхъ и получила свое названіе. Озерки расположены на горѣ, съ прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ и вокзаломъ, гдѣ есть и театръ и ежедневно бываютъ музыкальные вечера. Съ высокой башни Озерковъ виденъ весь Петербургъ.

О, зачѣмъ насъ бѣдныхъ смертныхъ постоянно отрываютъ отъ прелестныхъ сновидѣній и бросаютъ въ суровую дѣйствительность? Мнѣ приходится кончать письмо и выдти къ Вражской, которая пришла съ визитомъ къ мамѣ, и въ числѣ другихъ неинтересныхъ — по ея словамъ — новостей имѣть передать намъ кое-что изъ Петербурга.

Твоя Вѣра.

«Я даже приобрѣла себѣ планъ Петербурга и его окрестностей и по цѣлымъ часамъ изучаю путь»..

Письмо четвертое.

Дорогая Надя!

Как помнишь въ концѣ моего послѣдняго письма я сообщила тебѣ, что къ намъ пришла Вражская съ какими-то извѣстіями изъ Петербурга, но на дѣлѣ оказалось гораздо болѣе. Викторъ просилъ Вражскую, только-что возвратившуюся изъ Петербурга, передать мнѣ книгу, которую я на время одолжила его матери. Понимаешь-ли, Надюша? я не одолжала никакой книги ни ему, ни матери. Понимаешь-ли, Надюша, сколько тайнаго смысла заключалось для меня въ этомъ обстоятельстве? Понятно, я тотчасъ же признала книгу за свою. Это былъ небольшой томикъ стихотвореній, въ изящномъ переплетѣ, который я и взяла изъ рукъ нашей гостии съ сильно бьющимся сердцемъ. Я горячо поблагодарила Клавдію Ивановну за любезность и старалась обойтись съ нею какъ можно привѣтливѣе. На бѣду, мамы не было дома и мнѣ пришлось битый часъ занимать ее и выслушивать болтовню словоохотливой особы, въ то время, какъ я горѣла нетерпѣніемъ и жаждою поскорѣе заглянуть въ книгу. Наконецъ, она ушла и я убѣжала въ свою комнату. Перебирая каждую страничку въ отдѣльности, я нашла засохшую фіалку, темную, почернѣвшую, но, тѣмъ не менѣе, яркимъ свѣтомъ озарившую мракъ въ моемъ сердцѣ. Она была положена какъ разъ на слѣдующія строки, подчеркнутыя краснымъ карандашомъ:

Гдѣ ты, тамъ мысль моя летаетъ,
Туда стремятся всѣ мечты
И сердце тамъ лишь быть желаетъ
Гдѣ ты!

Развѣ возможно поступить деликатнѣе, нѣжнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясниться понятнѣе? Навѣрное нѣтъ! Но теперь вотъ еще новость! узнавъ ее, ты поймешь лихорадочную поспѣшность, съ которой я перехожу отъ одного на другое, чтобы излить передъ тобою все переполнившее мое сердце. Нужно замѣтить тебѣ, Надюша, что я съ нѣкоторыхъ поръ, то есть съ отъѣзда Виктора, чувствую себя не совсѣмъ хорошо. Для тебя, знакомою съ состояніемъ души моей, конечно, не было бы загадкою, почему я вдругъ стала печальною, блѣдною и разстроенною. Сердечное горе невольно отразилось и на моей внѣшности. Родители стали замѣчать, что я блѣднѣю, плохо ѣмъ и постоянно нахожусь въ нервномъ возбужденіи. Всякій неожиданный стукъ, громкое слово или крикъ пугаетъ меня. Я дрожу отъ случайно упавшаго на меня листика и готова расплакаться изъ-за пустяковъ. Мама не переставала обращаться ко мнѣ съ разспросами, но ни что въ мірѣ не могло

бы вырвать глубоко схороненной въ моемъ сердцѣ тайны. Наконецъ, пригласили нашего стараго доктора. Онъ внимательно выслушалъ меня, разспросилъ; я, понятно, не скрыла отъ него симптомовъ моей болѣзни, умолчавъ о причинѣ ихъ, и онъ рѣшилъ, что у меня сильно разстроены нервы и что для укрѣпленія ихъ мнѣ лучше всего отправиться, если не на воды, то предпринять какую нибудь поѣздку для развлеченія, то есть прокатиться въ Петербургъ, Москву, посмотрѣть ихъ окрестности, которыя хороши именно лѣтомъ, и вся болѣзнь пройдетъ сама собою. Можешь представить себѣ восторгъ, который я испытывала при этихъ словахъ? Ѣхать въ Петербургъ, въ Москву—пѣтъ, въ Петербургъ и въ Озерки, въ Озерки и никуда болѣе! Вотъ радость! вотъ блаженство! вотъ неожиданное счастье! Отецъ поморщился, мама опустила глаза въ землю.

— Да, да! сказалъ докторъ, — дѣвчкѣ пужно развлеченіе, непременно развлеченіе. Не посылаю васъ за границу, развлекъся можно и у насъ въ Россіи, но заѣхать куда нибудь на воды и покупаться я совѣтую настоятельно.

— Этого только недоставало, — проворчалъ отецъ, — на воды! А съ кѣмъ она поѣдетъ. Жена моя женщина сырая и съ больными ногами. Развѣ она можетъ ѣхать?

— Такъ поѣзжайте сами съ Вѣрочкой, — сказалъ докторъ, на правахъ стараго знакомаго, называвшій меня просто Вѣрочкой. — Вамъ также не мѣшаетъ провѣтриться, а то вы совсѣмъ засидѣлись въ нашемъ захолустѣ. Посмотрите кстати Петербургъ, тамъ предстоить множество удовольствій, весенній парадъ, если застанете его, массу разныхъ выставокъ, въ томъ числѣ международную цвѣточную, открытіе увеселительныхъ садовъ, однимъ словомъ — поѣзжайте и не жалѣйте растрясти кошну на вашу долю хватить, добрѣйшій Николай Петровичъ. — Да мнѣ денегъ не жаль, сказалъ папа, но я подумаю. — Думайте, думайте, но поскорѣе, — сказалъ докторъ, протягивая намъ по очереди руку, — а пока прощайте! Тороплюсь!

Когда докторъ ушелъ, я приступила къ отцу съ просьбами. Мать молчала, ей видимо не правилось предписаніе доктора. Папа обѣщалъ подумать, рассчитать, сообразить и завтра сказать свое рѣшеніе. Завтра, милая Надюша, завтра я сообщу тебѣ быть или не быть мнѣ въ Озеркахъ Ахъ, если бы быть!

Твоя Вѣра.

Р. S. Отчего ты мнѣ ничего не пишешь?

Письмо пятое.

Дорогая Надя!

Побѣда! побѣда!! побѣда!!! Мы ѣдемъ, я и папа, ѣдемъ и прямо въ Петербургъ, потому что папа хочетъ кстати устроить тамъ одно дѣло. Мы выѣзжаемъ на дняхъ. Не обошлось, конечно, безъ споровъ между отцомъ и мамой. Она хотѣла, чтобы мы лучше отправились на Кавказъ, но папа объ этомъ и слышать не хотѣлъ и вотъ мы ѣдемъ въ Петербургъ. Можешь себѣ представить, какую кислую рожу скорчила Клавдія Ивановна, когда узнала объ этой новости! Она замѣтила, что Петербургъ меня не только не вылечить, но въ конецъ разстроить мое здоровье, что для меня лучше всего ѣхать въ горы и такъ далѣе. Мать Виктора очень довольна и просила меня захватить для сына нѣкоторыя мелочи и письма и, отдавая ихъ мнѣ, многозначительно посмотрѣла на меня и сказала: о какъ вы счастливы, что увидите его! Я счастлива, да счастлива! Еще бы. Теперь напишу тебѣ изъ Петербурга. А покуда, порадуйся за свою Вѣру.

Письмо шестое.

Дорогая, милая Надя!

Вотъ я и въ Петербургѣ и вѣришь-ли, у меня просто кружится голова. Какъ тебѣ описать эту красивую, большущую столицу, я и ума не приложу. Такихъ высокихъ домовъ, такихъ широкихъ, ровныхъ улицъ, я еще никогда не видала. Куда ни оглянись вездѣ магазины, лавки, масса людей, экипажей! Мы пріѣхали еще довольно рано, но по Невскому проспекту—уже сновало множество народу. Всѣ куда-то спѣшать, суетятся, толкаютъ другъ друга, точно боятся куда-то опоздать. Улицы такія ровныя, широкія, но здѣсь очень мало зелени и, какъ я замѣтила, почти совсѣмъ не видно домовъ съ садами, какъ у насъ. Стукъ лошадиныхъ копытъ и грохотъ ломовыхъ и извозчичьихъ экипажей—собственные, почти всѣ, на резиновыхъ шинахъ—не умолкаетъ цѣлый день, напротивъ къ вечеру даже усиливается. По Невскому ѣзда не такъ шумна, потому что тамъ деревянная мостовая, такъ же, какъ и на Морской улицѣ. Мы съ папой отправились по магазинамъ, чтобы купить мнѣ нѣсколько обновокъ, шляпу, жакетъ, зонтикъ. Вѣришь-ли, что здѣсь въ сравненіи съ празднично разодѣтыми дамами, я показалась сама себѣ какою то замарашкой, отсталой модницей, не смотря на то, что я передъ отъѣздомъ обновила свой туалетъ. Ты представить себѣ не можешь

сколько по улицамъ Петербурга гуляетъ нарядныхъ дамъ. Должно быть тутъ очень много богатыхъ, а еще говорятъ, что въ Петербургѣ денегъ нѣтъ. Всѣ дамы лицомъ такія бѣлыя, румяныя, съ красивыми глазами, темными рѣсницами и бровями, и замѣчательно странно, но хорошо причесаны. Папа утверждаетъ, что добрая половина этихъ дамъ набѣлены и нарумянены, глаза и брови у нихъ подведены, а что касается прически, то онъ тоже не совсѣмъ увѣренъ въ ея естественности. Мнѣ кажется папа ошибается. Вѣдь мужчины всегда судятъ женщинъ строже, чѣмъ слѣдуетъ, а можетъ онъ и правъ. Мы входили во многіе магазины, но ничего не могли купить сразу. Папа не хотѣлъ понять, что гдѣ назначенъ *prix fixe*, тамъ торговаться не слѣдуетъ. Особенно во французскихъ магазинахъ. Французы почему то обращаются ко всѣмъ покупателямъ по французски, точно всѣ обязаны знать ихъ языкъ. Я, какъ ты знаешь, не дурно владѣю французскимъ языкомъ, но папа! Я еле удерживалась отъ смѣха, когда онъ ко всякому слову, кстати или некстати, прибавлялъ *s'il vous plait*.—*C'est cher, s'il vous plait*, или—*merci, s'il vous plait*, и наконецъ, когда мы выходили, онъ сказалъ: *adieu, s'il vous plait*. На мое замѣчаніе, что этого вовсе не слѣдуетъ говорить, онъ мнѣ рѣшительно заявилъ, что бывалъ въ Парижѣ, и знаетъ, что тамъ такъ принято. Наконецъ, хоть и не безъ труда, мы купили все, что хотѣли и отправились въ гостиницу, гдѣ мы остановились. Да, я еще не сообщила тебѣ, что мы пока живемъ въ Европейской гостиницѣ, гдѣ все очень роскошно, но страшно дорого. Въ этой гостиницѣ такая масса комнатъ, такъ шумно и много народу, что мнѣ даже страшно становится. Послѣ обѣда, мы собираемся ѣхать куда нибудь, присмотрѣть себѣ дачу. Папѣ почему-то хочется ѣхать въ Теріюки, но я, во что бы то ни стало, хочу жить въ Озеркахъ. Почему—угадать не трудно. Мы побываемъ тутъ и тамъ, затѣмъ рѣшимъ въ Теріюки или въ Озерки. Ахъ! въ Озерки въ Озерки, гдѣ я снова увижу его, куда меня тянетъ, точно магнитъ какой-то. Скорѣе бы шло время. Только бы папа не раздумалъ ѣхать. Сегодня мы встрѣтили на Невскомъ одного стараго знакомаго папаши. Пока они говорили, я смотрѣла въ окно магазина. Знакомый этотъ расхвалилъ папѣ Альказаръ и онъ обѣщаль свести меня туда. Я сначала пришла въ недоумѣніе. Развѣ барышнямъ можно ходить въ Альказаръ? Кто то изъ пріѣзжавшихъ къ намъ петербургскихъ гостей, кажется твой кузень, говорилъ, что Альказаръ не совсѣмъ приличное для дамъ мѣсто. Папа говоритъ, что я ошибаюсь и вѣрно что нибудь спутала. Это просто французскій театръ и больше ничего. Я не очень то довѣряю папѣ, но спросить кого нибудь пеловко, да и некого. Да, попробую растянуться на оттоманкѣ и закрывъ глаза помечтать—или не заснуть-ли на часокъ? можетъ быть я, хоть во снѣ увижу Виктора—прости, голубчикъ Надя, совсѣмъ сплю! Твоя Вѣра.

«Ты сама знаешь, что значить быть счастливою невестою»...

Письмо седьмое.

Милая Надя!

Какъ я предполагала, такъ и вышло. Альказаръ мѣсто не только не совсѣмъ приличное, но даже совсѣмъ неприличное, а барышнямъ тамъ уже совсѣмъ не мѣсто! Отецъ, должно быть, самъ понялъ это, потому что, когда мы вошли въ залъ, ему сразу сдѣлалось неловко. Во-первыхъ, мы пришли туда около десяти часовъ, когда народу было уже много и на сценѣ шло что то ужъ черезъ-чуръ веселое. Пѣли какія-то французенки въ очень откровенныхъ костюмахъ, приправляя свое пѣніе какими то должно быть не совсѣмъ приличными жестами, значеніе которыхъ я даже не совсѣмъ понимаю, но папа безпокойно заерзалъ на стулѣ и замѣтилъ, что здѣсь слишкомъ жарко и онъ боится какъ бы у меня не разболѣлась голова. Мнѣ же захотѣлось посмотрѣть, что будетъ дальше и я попросила его остаться. Когда французенки кончили пѣть, опустили занавѣсь. Наступилъ антрактъ. Пришлось встать съ мѣста, потому что всѣ выходили. Проходя по залѣ съ отцомъ, я была поражена странной манерой держать себя присутствующей публики. Вообрази, что большая часть дамъ, въ весьма непринужденныхъ позахъ, сидѣла за столами съ мужчинами пила и курила. Я при всей своей неопытности сразу поняла куда мы попали и, по выраженію лица моего папаша, видѣла, что онъ находится въ крайне неловкомъ положеніи. Я замѣтила ему, что отъ табачнаго дыма у меня дѣйствительно начинаетъ болѣть голова и что я охотно бы отправилась домой, на что онъ съ радостью согласился. Я увѣрена, что если бы я даже не сказала ничего, онъ постарался бы увести меня. Что если бы меня встрѣтилъ тутъ Викторъ? Слава Богу, что все обошлось благополучно. Ахъ скорѣе бы завтра! Чѣмъ-то мы рѣшимъ? Только бы въ Озерки! въ Озерки!

Твоя Надя.

Письмо восьмое.

Дорогая моя Надичка!

О, счастье! О, радость! Представь, выходимъ мы сегодня изъ подъѣзда гостинницы и кого мы встрѣчаемъ? Ты не догадываешься? Ну, да! его, его, Виктора! Онъ видимо удивился такой неожиданности и даже покраснѣлъ. Отецъ ему страшно обрадовался. Вотъ кто покажетъ намъ Петербургъ! вотъ кто будетъ нашимъ путеводителемъ! воскликнулъ онъ. Викторъ вѣжливо поклонился и предложилъ свою персону въ наше

полное распоряженіе. Онъ какъ разъ получилъ отпускъ на двѣ недѣли слишкомъ и вполне можетъ располагать своимъ временемъ, начиная уже съ сегодня. Мы рѣшили, позавтракавъ хорошенько, отправиться сегодня же въ Теріюки и Озерки искать себѣ помѣщеніе. Викторъ говоритъ, что въ Озеркахъ легче найти небольшую меблированную дачу, но папа почему-то настаиваетъ жить въ Теріюкахъ, потому что тамъ морской воздухъ, насыщенный запасомъ сосноваго лѣса, а главное, морское купанье. Онъ увѣряетъ, что для здоровья нѣтъ мѣстности лучше Теріюкъ, и что если ужъ ѣхать на дачу, то только туда, а не въ Озерки.

Я по глазамъ Виктора вижу, что ему тоже хочется, чтобы мы жили въ Озеркахъ. Папа пригласилъ Виктора позавтракать съ нами, затѣмъ мы отправились на Финляндскій вокзалъ. Мнѣ кажется совершенно лишнее увѣрять тебя, что наше короткое путешествіе доставило мнѣ громадное удовольствіе. Луга и поля, мимо которыхъ мы ѣхали, казались мнѣ во сто кратъ роскошнѣе, деревья зеленѣе и пушистѣе, чѣмъ когда либо, а воздухъ, которымъ я дышала, сидя у открытаго окна вагона, просто очаровательнымъ. Вотъ что значить смотрѣть глазами любви! Но, печого сентиментальничать, скорѣе къ дѣлу. Приѣхавъ въ Теріюки, мы начали обзрѣвать мѣстность. Небольшихъ помѣщеній почти не оказалось, но мѣстность намъ очень понравилась, въ особенности громадный паркъ съ его зеркальными прудами. Вдругъ на одномъ изъ небольшихъ домовъ мы увидали билетки. Отецъ обрадовался. Помѣщеніе дѣйствительно было очень хорошенькое и сравнительно недорогое. Отецъ уже собирался дать задатокъ—у меня сжалось сердце. Подожди еще, папаша, заѣдемъ прежде въ Озерки. Если не найдемъ тамъ ничего, то можемъ вернуться и взять это помѣщеніе. Отецъ согласился; у меня отлегло отъ сердца. Мы отправились въ Озерки. До музыки оставалось еще часа полтора и мы пошли осматривать мѣстность. Что за прелесть Озерки! Этотъ садъ — настоящая романтическая мѣстность. Аллеи тамъ устроены какъ будто парочно для свиданія влюбленныхъ, въ особенности одна изъ нихъ, такая уединенная, укромная. Я бы назвала ее *аллею трезь*. Вѣроятно, мѣстные влюбленные поэты собираютъ тутъ матерьялъ для своихъ нѣжныхъ посланій дачнымъ барышнямъ.—Я непременно буду ходить сюда мечтать, замѣтила я.—А тутъ есть еще аллея *счастливыхъ встрѣчъ*, возразилъ Викторъ. Такъ назвали ее мѣстные дамы-дачницы потому, что тутъ чаще всего проходятъ ихъ кумиры, артисты, когда идутъ изъ дома на репетицію и обратно.—Нѣтъ ли тутъ еще аллеи *нѣжныхъ вздоховъ*, какъ у насъ въ Твери, гдѣ, какъ я помню, постоянно засѣдаютъ перезрѣлыя дѣвы со своими собачками и, вздыхая какъ паровозъ, набравшій черезчуръ много паровъ, пялятъ глаза на всѣхъ проходящихъ мужчинъ.—Ну полно, папаша, ты преувеличиваешь, сказала я.—Нисколько, возразилъ отецъ, я увѣренъ, что и Викторъ

Павловичъ поддержитъ меня и скажетъ, что и здѣсь найдется не мало такихъ экземпляровъ. Викторъ засмѣялся и поспѣшилъ переменить разговоръ, обративъ вниманіе отца на красивую сосну, стоящую на лужайкѣ. Мы пошли по улицамъ Озерковъ и вскорѣ, недалеко отъ вокзала, увидели хорошенькую, маленькую дачу, на окнахъ которой были наклеены билетки. Мы вошли осмотрѣть ее. Дача въ Теріокахъ нравится мнѣ больше, сказалъ отецъ, она гораздо уютнѣе!—А мнѣ нравится эта, къ тому же тутъ близко вокзалъ, можно ходить на музыку. Отецъ былъ въ нерѣшимости.—Отложимъ наемъ дачи па завтра, сказалъ онъ, а теперь пойдѣмъ на музыку, а то опоздаемъ.—Но если ее завтра возьмутъ?— Не возьмутъ, возразилъ отецъ. Я надула губы. Викторъ замѣтилъ, что я недовольна и пришелъ ко мнѣ на помощь.—Да, сказалъ онъ, весьма возможно, что завтра она уже будетъ сдана.—Ну, тогда, значитъ, намъ не судьба жить на ней! придется ѣхать въ Теріоки. Въ Теріокахъ тоже жить хорошо. Настаивать было невозможно и, сказавъ, что мнѣ все равно, я первая вышла изъ дачи впереди всѣхъ и мы отправились на музыку. Слушая музыку, я все время думала, куда судьба заброситъ насъ: въ Теріоки или Озерки? Такъ или иначе, но я провела пресчастливыиъ день. Викторъ проводилъ насъ до вагона и обѣщаль утромъ пріѣхать въ городъ, чтобы свести насъ на цвѣточную выставку. Поѣздъ тронулся и мы долго не отрывали взгляда другъ отъ друга. Вотъ все мое счастье и исчезло. На возвратномъ пути я почти не слушала, что говорилъ отецъ. Мысли мои были у Виктора, я думала о немъ, о... Ахъ! скорѣе бы завтра! Прости дорогая, что надоѣдаю тебѣ письмами, но мнѣ такъ пріятно и отраднo подѣлиться съ тобою впечатлѣніями. Не забывай Своей Вѣры.

Письмо девятое.

Милочка Надя!

Порадуйся со мною. Дача нанята въ Озеркахъ и благодаря какому счастливому случаю! Видно судьба покровительствуетъ влюбленнымъ. Расскажу все по порядку. Послѣ выставки, описывать которую я не сумѣю, потому что еще никогда не видала ничего подобнаго, а скажу только, что я провела часа два въ раю земномъ, вмѣстѣ съ Викторомъ; мы пообѣдали и снова отправились въ Теріоки. Дача еще не была сдана. Отецъ уже вынулъ бумажникъ, чтобы дать задатокъ, какъ вдругъ надъ нами, наверху, раздались звуки рояля, а затѣмъ визгливый фальшивый женскій голосъ загѣлъ мой любимый романсъ: «Хоть ты не здѣсь, но ты со мною» но какъ пѣлъ! О, Господи! если бы ты взяла ножъ и рѣзала бы имъ брусокъ или желѣзо, то получилось бы то же самое впечатлѣніе. Викторъ только поморщился. Отецъ закрылъ бумажникъ и спросилъ

дворника: Кто это поеть?—Это барышня, хозяйская дочка. Онъ очень хорошо поють-сь! такъ жалостно другой разъ!—И... это часто?—Да, почитай кажинный день!—Спасибо, голубчикъ, за удовольствіе, вотъ тебѣ на водку, а дачу ужъ мы не возьмемъ. Ни за что не возьмемъ. Дворникъ въ недоумѣніи развелъ руками.—Какъ вашей милости угодно будетъ. Воля ваша. Мы вышли.—Во время заѣла барышня! сказалъ отецъ, выходя. А ну, какъ это узналось бы, когда мы уже переѣхали? Нѣтъ, слуга покорный. Я люблю пѣніе и музыку, но не такой визгъ. Ну, дѣлать нечего, поѣдемъ въ Павловскъ!—Ахъ, что-то тамъ? А вдругъ дача сдана! Что тогда?—Поищемъ другую, замѣтилъ отецъ. Но по счастью дача оказалась не сдана и мы ее взяли. Ахъ! какъ я счастлива! какъ счастлива! Послѣ завтра, то есть въ воскресенье, переселяемся въ Павловскъ, а завтра Викторъ везетъ насъ на острова. Завтра на Елагиномъ островѣ—кажется, я не ошиблась въ названіи—завтра тамъ встрѣча весны или лѣта, что-то въ этомъ родѣ. Обѣщаютъ что-то небывалое въ Петербургѣ, какой-то необыкновенный, фантастическій праздникъ цвѣтовъ, фейерверкъ, иллюминацію. Все это меня ужасно интересуетъ. Викторъ хотѣлъ ѣхать на велосипедѣ, но такъ какъ мы ѣдемъ въ коляскѣ, то онъ поѣдетъ съ нами. Жаль, что я не катаюсь на велосипедѣ. Въ Петербургѣ очень много дамъ и дѣвицъ занимаются этимъ спортомъ и мнѣ это очень нравится. Попросить развѣ пану купить мнѣ велосипедъ. Научиться недолго. Попрошу непременно. До свиданія милочка, пиши же, а то ты совсѣмъ забыла

Твою Вѣру.

« Не удивишься, что я адресую это письмо къ тебѣ въ департаментъ, а не на квартиру »...

Письмо десятое.

Дорогой другъ Иванъ Федоровичъ!

Проживъ нѣсколько дней въ Петербургѣ, я вполнѣ понялъ, почему твоя супруга не захотѣла отпустить тебя съ нами. Еще бы, она хорошо знаетъ свой родной городъ. Ты, конечно, не удивишься, что я адресую это письмо къ тебѣ въ департаментъ, а не на квартиру, а догадаешься, что я дѣлаю это потому, что отлично знаю слабость достойнѣйшей Марьи Петровны печаянно вскрывать твои письма. Пожалуйста не показывай этого письма ни твоей женѣ, ни моей. То, что я пишу тебѣ, до нихъ вовсе не касается. Итакъ... по прежде всего о дѣлѣ. Краску для волосъ я выслалъ тебѣ по извѣстному адресу, только считаю долгомъ предупредить тебя, что, намочивъ ею волосы, нужно просидѣть цѣлый день дома, а выйдя на улицу, не слѣдуетъ обнажать головы, въ виду того, что тинктура эта содержитъ въ себѣ нѣсколько частицъ меда, и были случаи, что нѣкоторые неосторожные, пройдя по солнцу съ открытою головою, возвращались домой съ цѣлымъ ульемъ пчелъ на головѣ. Карточки извѣстнаго содержанія я добылъ съ большимъ трудомъ и выслалъ на имя клубнаго швейцара Петра, отъ котораго ты ихъ и получишь. Но, берегись, чтобы онѣ не попались въ руки твоей жены. Упаси Боже! хотя въ сущности это совершенно невинное удовольствіе и худого тутъ, право, нѣтъ, но вѣдь большой шумъ всегда происходитъ изъ-за пустяковъ, особенно у женщинъ. Ну ужъ здѣшнія дамы! это ужасъ что такое! Идетъ, напримѣръ, барынька или барышня, — кто ихъ знаетъ, нынче всѣ одѣваются одинаково, — и ты, прежде всего, видишь гору перьевъ, цвѣтовъ и лентъ, покрывающихъ большихъ размѣровъ шляпу, затѣмъ ужъ лицо, но большею частью не то, которое ты увидалъ бы у ней утромъ, когда она только-что встала съ постели, нѣтъ, а свѣжее, бѣлое, съ красивыми глазами и пушистыми рѣсницами и бровями. Ты думаешь: вотъ такъ красавица! А фигура — просто восторгъ! Какая пропорціональность формъ, какая талія! но все это поддѣльно, большею частью поддѣльно. Откуда, напримѣръ, у этой топенькой, сухопарой особы такой роскошный бюстъ? Стоитъ пройти мимо корсетнаго магазина и ты получишь отвѣтъ. Такъ и все! Да, братъ, ловко надуваютъ насъ грѣшныхъ. Но посмотрѣлъ бы ты, какіе у нихъ зонтики! Это такая роскошь, что уму непостижимо. Для чего, подумаешь, онѣ ими закрываются? Чтобы сохранить отъ загара свое напудренное лицо? или чтобы отъ солнца не расплылась краска на бровяхъ и рѣсницахъ? Эхъ! если бы солнце умѣло говорить комплименты женщинамъ, то онѣ бы не стали отъ него закрываться. Да, чуть не забылъ. Попалъ я на-дняхъ въ здѣшній Альказаръ, куда отправился по совѣту Паличкина, котораго встрѣтилъ случайно въ Петербургѣ; онъ,

чудацькай, ужасно расхвалиль мнѣ это мѣсто, но не сказалъ, что туда мужчинамъ слѣдуетъ идти безъ семейства, а я свелъ туда Вѣру и, признаться, сильно раскаялся. Она конечно ничего не поняла, но все-таки попытался увести ее поскорѣе. По счастью, это былъ конецъ отдѣленія, а выйдя въ зало, Вѣра инстинктивно почувствовала, что ей тутъ не мѣсто, и мы ушли домой. Окровенно сказать, если бы не дочь, которую я имѣлъ глупость привести сюда, то отчего бы мнѣ и не тряхнуть было стариной? Непремѣнно зайду еще разъ, если успѣю. Скоро закрытіе. Что можетъ быть веселѣе француженокъ? Помнишь, какъ мы бывало съ ними покучивали? Эхъ! прошло наше время и не вернется.

Живемъ мы тутъ въ гостинницѣ, что обходится намъ очень дорого. Вмѣсто того, чтобы нанять квартиру въ городѣ, мы рѣшили поѣхать лучше на дачу. Я долго не рѣшался, что избрать: Теріюки или Озерки. Обѣ мѣстности хороши, въ особенности Теріюки. Тамъ морское купанье, но мы все-таки наняли дачу въ Озеркахъ, очень хорошенькую и уютную. По сосѣдству есть большой садъ и качели. Интересно было бы узнать, есть ли тамъ барышни? Буду непременно ходить смотрѣть, какъ качаются. Ты знаешь, старина, что я любитель красивыхъ женскихъ ножекъ, а во время качанія ихъ очень и очень легко видѣть. Кромѣ того, качаясь, дамы платьями и юбками поднимають вѣтеръ и освѣжаютъ дачный воздухъ, что весьма пріятно въ знойное время. Позавтракать не съ кѣмъ, но меня обѣщались познакомить съ нѣкоторыми семействами, гдѣ часто винтятъ, все-таки можно скоротать вечерокъ, да и у насъ на балконѣ интересное мѣстечко для винта. Эхъ, братъ, жаль, что ты не поѣхалъ съ нами, было бы куда веселѣе! Вѣра меня не стѣсняетъ. Она изъ числа современныхъ барышень, которыя и сами найдутъ себѣ развлеченіе, не выходя изъ границъ приличія. Кромѣ того, Викторъ Назловичъ предложилъ свои услуги провожать ее на гулянье и даже собирается учить ее кататься на велосипедѣ. Чтожъ, пускай покатается. Вѣра такая воздушная, стройная и граціозная, ей можно ѣздить, не возбуждая смѣха. Но вотъ на-дняхъ видѣлъ я барышку, такъ это настоящая умора! Представь себѣ: толстая, жирная, какъ жена нашего бухгалтера, особа бальзаковского возраста и вдругъ сидитъ на велосипедѣ, который, того и гляди, разсыплется подъ нею. Я такъ и прыснулъ со смѣху, не могъ болѣе сдерживаться. Толстуха, проѣзжая мимо меня, сразила меня молніеноснымъ взглядомъ. Она замѣтила, что я смѣялся надъ нею. Да развѣ можно не смѣяться? Одѣнь-ка ты Софію Ивановну въ такой костюмъ: лаковые сапожки на полныхъ погахъ, широкіе шаровары, короткая юбочка, представь ее себѣ на велосипедѣ — и вотъ тебѣ картина! Ну, будетъ съ тебя, довольно! Если увижу что нибудь особенно интересное, то сообщу. Поклошъ всѣмъ нашимъ клубскимъ отъ

Твоего Н. Столбина.

Письмо одиннадцатое.

Дорогая моя женушка!

Вотъ мы и въ Петербургѣ, то есть, лучше сказать, въ Озеркахъ. Какъ мы пріѣхали — тебѣ уже извѣстно изъ писемъ Вѣры. Жизнь здѣсь очень дорога, деньги текутъ, какъ вода, не смотря на экономію. На другой день послѣ нашего пріѣзда мы встрѣтили Виктора Павловича. Вѣра, конечно, очень ему обрадовалась, а я — тоже не подумалъ воротать на него какъ цѣпной песь и встрѣтилъ его очень привѣтливо. Онъ похорошѣлъ, отпустилъ бородку, сталъ какъ-то посолиднѣе. Мнѣ кажется, Вѣрунька ему серьезно правится. Ну, что же, я, пожалуй, и не прочь отъ этого брака. Онъ человѣкъ хотя и не богатый, но съ карьерой и не вѣтрогонъ. А гдѣ нынче найдешь хорошаго жениха? Женихи нынче рѣдки. Ихъ и днемъ съ огнемъ не отыщешь. Но я все-таки дѣлаю видъ, будто ничего не замѣчаю. Откровенно сказать, скучно быть пятымъ колесомъ у телѣги. Я рѣшился отпускать Вѣру одну съ Викторомъ Павловичемъ, — дѣвчепка, слава Богу, не молоденькая, сама знаетъ, что дѣлаетъ, а то мнѣ за молодежью не угнаться.

Кормятъ въ Петербургѣ отъѣнно. Чего только не получишь за деньги, и я, какъ любитель рыбы, буквально объѣдаюсь тюрбо. Въ Петербургѣ много различныхъ націй, кого только здѣсь не встрѣтишь: и французовъ, и нѣмцевъ, и англичанъ, и итальянцевъ, и шведовъ и грековъ, однимъ словомъ — тутъ собраніе всего свѣта. На-дняхъ мы переселились въ Озерки, недалеко отъ Петербурга. Я спачала хотѣлъ взять дачу въ Теріокахъ по Вѣрѣ ужъ очень хотѣлось жить въ Озеркахъ, почему — догадаться нетрудно. Ну, я махнулъ рукой и согласился. Тутъ очень хорошо и есть гдѣ погулять. Проходя по Шуваловскому парку, невольно встрѣчаешь разные курьезы. При входѣ въ паркъ я увидалъ надпись такого рода: Гуляющихъ просятъ деревья и траву не портить и скамеекъ надписями не пачкать, а посмотришь — скамейки всѣ исписаны. Вотъ, напримѣръ, я записалъ нѣкоторыя изъ надписей: Съ точки зрѣнія женщины, то общество скучно, гдѣ никто за нею не ухаживаетъ. — Чтобы изучить женщину нужно крупинку ума и бездну легкомыслія. — Заинтересовать женщину значить уже наполовину побѣдить ее. А внизу подъ надписями: — Сужденія дураковъ и идіотовъ!! Коротко и ясно. — Тутъ, какъ мнѣ говорили и аллеи имютъ особое названіе, данное имъ мѣстными дачниками. Есть даже *аллея женскаго непостоянства*, извилистая, направленная то въ одну, то въ другую сторону и кончающаяся тамъ, гдѣ начинается, и *аллея дикихъ разговоровъ*, гдѣ часто собирается молодежь, у которой молоко на губахъ не обсохло, но которая, тѣмъ не менѣе, обсуждаетъ и рѣшаетъ здѣсь мірскіе интересы. Затѣмъ есть еще

Вообразилъ себя сухопарую особу въ купальномъ костюмѣ.

аллея прощальныхъ взглядовъ и такъ далѣе, всего не вспомнишь. Все это сообщилъ мнѣ одинъ старожилъ Озерковъ, очень милый, предупредительный господинъ, отрекомендовавшійся мнѣ барономъ фонъ-Лерхаузенъ. Онъ уже довольно пожилой господинъ и сразу производитъ впечатлѣннѣе джентльмена, играетъ въ винтъ и даже большой любитель его. Гуляемъ мы здѣсь очень много, я съ барономъ, Вѣра съ Викторомъ Павловичемъ. Иногда мы отправляемся въ Петербургъ и осматриваемъ другія окрестности, острова, въ особенности острова. Это прелесть что такое! Петровскій, Крестовскій и Елагинъ со стрѣлкой, куда публика ѣздитъ смотрѣть на закатъ солнца, а вмѣсто того сидитъ къ нему задомъ и такъ занята разсматриваніемъ туалетовъ и отыскиваніемъ знакомыхъ, что даже не замѣтитъ, когда солнце сядетъ! Между прочимъ, намъ пришлось видѣть тутъ катающихся на лодкахъ гичкахъ и душегубкахъ кавалеровъ, которые, съ перваго взгляда, производятъ впечатлѣннѣе, точно они голые. Представь себѣ трико тѣльнаго цвѣта—изрѣдко встрѣчается и полосатое, какъ у купальщиковъ за границею—надѣтое на голое тѣло и до пояса больше ничего, а тамъ брюки и все такое. Съ виду это очень странно и практикуется понятно только въ теплую погоду. Увидавъ ихъ, Вѣрочка только ахнула и покраснѣла. Викторъ Павловичъ говоритъ, что такъ одѣваются только гребцы яхтклубисты, чтобы имъ не было жарко. Всѣ эти дни, однако, были далеко не жаркіе, по вечерамъ даже не мѣшало бы одѣть шубу, вотъ какъ на праздникъ цвѣтовъ, который тебѣ опишетъ Вѣра, получившая на память о немъ довольно сильный насморкъ. Баронъ Лерхаузенъ разсказалъ намъ, что за границею въ морскихъ купальняхъ, гдѣ дамы купаются вмѣстѣ съ кавалерами, всѣ одѣваются въ такіе костюмы, но большею частью полосатые. Воображаю себѣ сухопарую особу въ купальномъ костюмѣ. Какова-то она будетъ? При ея худобѣ, ее легко можно принять за мужчину, да и вообще при такомъ близкомъ сосѣдствѣ легко можетъ произойти презабавное недоразумѣннѣе. Ну, а если барынька черезчуръ толста? Тоже мое почтеннѣе! Впрочемъ, тебѣ лучше знать, какой видъ имѣетъ дама безъ костюма, то есть я хотѣлъ сказать—въ купальномъ костюмѣ, что почти одно и то же. Тутъ уже нѣтъ разницы званія, тутъ всѣ одинаковы: и графиня, и княгиня, и мѣщанка и крестьянка. Напротивъ, послѣднія, частенько, оказываются гораздо болѣе похожими на графинь и княгинь, и наоборотъ. Первыя, выходя изъ воды, нерѣдко оказываются худыми, сухопарыми, какъ топція коровы Фараона, и милостиво протягиваютъ свои костлявые пальчики какому нибудь эlegantному кавалеру, считающему за честь оказать имъ услугу, предложивъ свою руку.

Охъ! куда я занесся! отъ гребцовъ, да въ морскія купанья. Да и письмо-то какое вышло длинное. Но вотъ еще что: купаться Вѣра не желаетъ, да и негдѣ, хотя нѣкоторыя дамы это пробуютъ въ здѣшнихъ озерахъ...

Твой Н. Столбинъ.

Письмо двѣнадцатое.

Дорогая Надюша!

Вотъ мы и въ Озеркахъ, вблизи Виктора. Вблизи! постигаешь-ли ты все значеніе этого слова? Нѣтъ, ты никогда не можешь цѣнить этого блаженства, какъ я, потому что никогда не испытала горести разлуки съ любимымъ сердцу. Ты называешь меня сумасбродкой? Но развѣ моя любовь къ Виктору сумасбродство? Развѣ... но довольно объ этомъ. Ты, такая спокойная, разсудительная, не поймешь мою пылкую, горячую любовь. Будемъ говорить о другомъ.

Я обѣщала тебѣ описать праздникъ цвѣтовъ или Венецію въ Петербургѣ, на стрѣлкѣ Елагина острова, но цвѣтовъ, главныхъ виновниковъ торжества, было весьма мало. Живые цвѣты если не совсѣмъ отсутствовали, то появлялись въ весьма ограниченномъ количествѣ. Еще бы! придумали устраивать праздникъ цвѣтовъ, когда ихъ почти еще нѣтъ, лучше сказать, когда они есть, но только за баснословныя цѣны въ магазинахъ и оранжереяхъ, или получаютъ изъ заграницы. Развѣ можетъ быть изобиліе ихъ при такихъ обстоятельствахъ. Ну, и вышло, что слѣдовало ожидать. Не будучи зла, скажу прямо, что наши устроители праздника осрамилась. Помилуй, обѣщали дать дамамъ по букету, и раздавали какія-то мелкія бутоньерки, и то хватило не всѣмъ. И это вздумали сравнивать съ баталіей цвѣтовъ въ Ниццѣ, или Венеціи. Да развѣ въ нашемъ суровомъ климатѣ возможно въ такое время устраивать нѣчто подобное? Говорили, что коляски будутъ украшены цвѣтами и за лучшую изъ нихъ назначенъ былъ призъ. Колясокъ съ цвѣтами было очень мало, по крайней мѣрѣ, мы ихъ не видали. Былъ одинъ дѣйствительно роскошный экипажъ, съ бѣлыми камеліями, принадлежавшій цирковой наѣздницѣ. Онъ и получилъ призъ, какъ я слышала. Толпа была громадная, тѣснота страшная, но баталіи цвѣтовъ не было, если не считать мелкіе букетишки изъ бумажныхъ цвѣтовъ, которыми бросались какіе-то шутники. Одинъ изъ нихъ попалъ къ намъ въ коляску, почему я и убѣдилась, что они бумажные, а для тяжести внизу былъ привязанъ камешекъ. Хорошо, что послѣдній не угодилъ кому нибудь въ глазъ, а то былъ бы сюрпризъ не особенно пріятный. У берега стрѣлки плыли лодочки, украшенныя лентами, флагами и фонариками, и вѣроятно изображали итальянскія гондолы, а управляли ими одѣтые неаполитанскими рыбаками лодчички. Бѣдные! мнѣ было отъ души жаль ихъ. Въ такой холодъ быть въ такомъ костюмѣ! Я думаю, у нихъ зубъ не попадалъ на зубъ, и они проклинали неудачную затѣю, могущую имѣть для нихъ весьма печальныя послѣдствія. Мнѣ, какъ провинціалкѣ, никогда не видавшей такого стеченія народа, все таки понравилась иллюминація,

«...Хотя некоторые дамы это пробуютъ въ здѣшнихъ озерахъ.»

фейерверкъ и разнообразіе дамскихъ костюмовъ, большею частью лѣтнихъ, отчего всѣ дамы невольно дрожали отъ холода. Викторъ и папинъ новый знакомый ѣхали съ нами въ экипажѣ. Около стрѣлки мы встрѣтили экипажъ съ тремя дамами и пожилымъ кавалеромъ, съ которымъ Викторъ почтительно кланялся. Это былъ его патронъ съ дочерью. Ни одной изъ нихъ не взя назвать хорошенькой, или даже недурной, стало бытъ мой послѣдній опасенія рушились. Мы заѣхали въ ресторанъ погрѣться и я выпила стаканъ горячаго пунша. Ресторанъ былъ оуткомъ набитъ. Всѣ пришли грѣться отъ холода. Бѣдные гондолеры и продавщицы въ кіоскахъ! Имъ приходилось хуже всѣхъ, они даже не могли пойти погрѣться въ ресторанъ. Послѣ фейерверка мы уѣхали домой. Больше я ничего интереснаго не видала, да вѣроятно ничего и не было. Вотъ если бы это устроили въ іюлѣ, то навѣрное недостатка въ цвѣтахъ не было и праздникъ вышелъ бы на славу! Завтра папа купитъ мнѣ велосипедъ и Викторъ начнетъ учить меня ѣздить на немъ. Я увѣрена, что выучусь скоро и мы будемъ кататься съ Викторомъ далеко-далеко; папа уже разрѣшилъ мнѣ прогулки вдвоемъ; впрочемъ, нынче на это смотреть совсѣмъ другими глазами. Здѣсь не провинція и барышни привыкли держать себя самостоятельно.

Съ ужасомъ замѣтила, что уже шесть часовъ. Сейчасъ придетъ Викторъ и мы поѣдемъ кататься на лодкѣ. Викторъ живетъ отъ насъ только черезъ двѣ улицы. До свиданія, голубчикъ, пиши скорѣе

Своей Вѣрѣ.

Письмо тринадцатое.

Дорогая, милая душка Надя!

Кажется, я не писала тебѣ больше недѣли! да! но ты, вѣроятно, догадалась, что на это были важныя причины.

Все случилось какъ я ожидала. Поздравь меня! я—невѣста! невѣста Виктора. Папа согласился не сразу. Онъ качалъ головою и приводилъ въ примѣръ несчастные браки, гдѣ мужъ и жена были однихъ лѣтъ. По его словамъ, мужъ непременно долженъ быть старше жены лѣтъ на десять. Я его уговаривала, убѣждала и, наконецъ, расплакалась. Что ему оставалось дѣлать?—Ну, пусть будетъ по вашему, сказалъ онъ. Пеняйте на себя, если что случится!—Что можетъ случиться? развѣ мы женимся не по любви? Черезъ два мѣсяца наша свадьба. Мы, конечно, поѣдемъ вѣнчаться въ Тверь.

Но я вижу, что начала съ того, чѣмъ бы слѣдовало кончить, но я такъ счастлива, такъ счастлива, что сама себя не помню. Я теперь каж-

дый день катаюсь на велосипедъ и ѣзжу уже очень недурно, говоритъ Викторъ. Мы каждый день отправляемся куда нибудь вдвоемъ и переживаемъ блаженное время—я по крайней мѣрѣ. Мы отыскали себѣ въ паркѣ любимое мѣстечко, гдѣ мы отдыхаемъ, такое поэтичное, такое уютное, точно нарочно устроенное для свиданія влюбленныхъ, и тутъ-то Викторъ признался мнѣ въ любви! Онъ сказалъ, что любить меня уже давно, съ первой нашей встрѣчи, и спросилъ меня, хочу-ли я быть его женою! Хочу-ли? да изъ-за чего же я стремилась сюда всею душею, всѣмъ сердцемъ. Отчего страдала и не спала ночей. Понятно, я этого ему не сказала, но безмолвно упала въ его объятія. Мы рѣшили покуда сохранить втайнѣ нашу помолвку. Викторъ написалъ своей матери и получилъ ея согласіе, въ которомъ онъ, впрочемъ, и не сомнѣвался, затѣмъ уже пошелъ къ отцу моему просить моей руки. Согласіе матери Виктора получено, отецъ тоже согласенъ, теперь уже ничто больше не препятствуетъ нашему счастью.

Ты сама знаешь, что значить быть счастливою невѣстою. Всѣ смотрятъ на тебя какъ-то иначе и обращаютъ на тебя особенное вниманіе. Такъ и теперь. Я, кажется, не сообщила тебѣ, что мы тутъ познакомились съ семействомъ директора банка, въ которомъ служитъ Викторъ. Это очень милые, предупредительные люди, а барышни—не знаю искренно, или нѣтъ, но относятся ко мнѣ очень любезно и привѣтливо. Мы вмѣстѣ совершаемъ довольно большія прогулки на велосипедахъ или верхомъ, но послѣднее, какъ будто, вышло изъ моды и всѣ предпочитаютъ велосипеды. Иногда забираемся очень далеко и возвращаемся домой усталые и съ отличнымъ аппетитомъ.

Скоро мы покинемъ Озерки, гдѣ я провела счастливѣйшіе часы моей жизни. Никогда не забуду этого чуднаго мѣста, гдѣ Викторъ признался мнѣ въ любви, и если бы я была художницей, то непременно срисовала его себѣ на память.

Теперь ужъ напишу тебѣ изъ Твери, а покуда не забывай

Твоей счастливой Вѣры.

Р. С. Что скажетъ Клавдія Ивановна, когда узнаетъ о нашей помолвкѣ?

Письмо четырнадцатое.

Дорогая моя женушка!

Слава Богу! дѣло сдѣлано! Вѣруша просватана! то есть помолвлена. У меня точно гора съ плечъ свалилась. Ай-да Озерки! Да, но сначала нужно тебѣ толкомъ разказать, какъ было дѣло. Викторъ Павловичъ сдѣлалъ предложеніе и я, понятно, согласился. Для виду, я немножко поломался, вѣдь нельзя-же безъ этого, но въ душѣ былъ очень радъ, что дѣло кончено и что теперь, стало быть, можно скоро возвратиться къ своимъ пенатамъ. У меня уже давно душа болитъ по родномъ пепелищѣ. Тутъ у меня цѣлый сумбуръ. Викторъ Павловичъ, на правахъ жениха, просто не выходитъ изъ нашего дома, съ Вѣрой нѣтъ никакого ~~сладу~~, хозяйство, и безъ того плохое, идетъ вверхъ дномъ, молодежь все разбѣзжаетъ, веселится, гуляетъ, а больше всего катается на велосипедѣ. Вѣра ѣздитъ очень недурно и по своей молодости и воздушности смахиваетъ на семнадцатилѣтнюю дѣвушку. Какихъ только удовольствій не придумала себѣ молодежь, а я—винчу! Нашелъ тоже себѣ партнеровъ, благодаря Виктору Павловичу, который познакомилъ меня съ семействомъ генерала Левскаго, у котораго винтятъ почти ежедневно. Молодежь въ это время забавляется гигантскими шагами. У насъ этою утѣхою занимаются больше дѣти и подростки, здѣсь же ни барышни, ни кавалеры не гнушаются ею. Барышни, вѣроятно, воображаютъ, что танцуютъ вальсъ, съ тою только разницею, что вмѣсто кавалера, онѣ вертятся вокругъ столба. Кромѣ того, барышни, случайно или намѣренно, имѣютъ шансъ упасть прямо въ объятіе кавалера, намѣченного ею себѣ въ женихи. Но если бы ты слышала, до чего барышни визжать, когда ихъ «заносятъ», и видѣла, до чего онѣ болтаютъ своими хорошенькими ножками, то ты пришла бы просто въ ужасъ. Подумаешь, если ужъ имъ такъ страшно, то зачѣмъ же онѣ лѣзутъ? А полѣзла сама, такъ и визжать нечего. Чего только не дѣлаютъ, чтобы убить время!

Да, чуть не позабылъ. Этотъ такъ называемый баронъ фонъ-Лерхаузенъ, котораго я принималъ за порядочнаго человѣка и даже ссудилъ двумя стами рублей на недѣлку, до высылки денегъ изъ имѣнія, оказался просто на просто мошенникомъ. Онъ исчезъ безслѣдно и мнѣ пришлось даже заплатить по его счету въ вокзалѣ за всѣ раза, когда мы обѣдали вмѣстѣ. А главное, замѣть себѣ, этотъ прощальга всегда пилъ только Шато-Ларозъ въ три рубля бутылку. Каково? Вотъ какъ можно влопаться. Я былъ пораженъ, какъ громомъ, но пришлось заплатить, потому что, по его словамъ, его считали за моего родственника, котораго я приглашалъ съ собою обѣдать.

«...Этотъ такъ называемый Баронъ фонъ Лерхаузенъ...»

Теперь, признаться откровенно, я стремлюсь домой, чтобы как можно скорее поженить молодежь. Вѣра начинает выводить меня из терпѣнія. Она просто жить не можетъ безъ своего Виктора, и ноетъ какъ больной зубъ, когда онъ долго не проходитъ. Впрочемъ, и мы въ свое время старались быть какъ можно болѣе вмѣстѣ. Помнишь?

Передай пожалуйста Кошчеву, что я скоро, скоро надѣюсь увидѣться съ нимъ и повинтить по старому! То-то онъ обо мнѣ соскучился. Скажи ему, что... ибѣтъ, лучше ничего не говори, скажу самъ.

Да вотъ еще! Вчера Вѣра отличилась. Когда мы сѣли въ конку, Викторъ Павловичъ, за неимѣніемъ мѣста внизу, полѣзъ было на имперіаль и что же ты думаешь? Вѣра встала и, не смотря на все увѣщанія кондуктора, хотѣла, во что бы то ни стало, влѣзть туда же, чтобы — какъ она сказала — ни на минуту не разлучаться съ Викторомъ. Во избѣжаніе скандала, Виктору Павловичу пришлось сойти внизъ и остаться на платформѣ, гдѣ уже невозможно было стоять. Все пассажиры ужасно смѣялись и мы сочли за лучшее выдти и переждать другую конку. Ну, слуга покорный! если ужъ это не будетъ счастливый бракъ, то примѣтамъ больше и вѣрить не слѣдуетъ.

Жди насъ числа 20-го. Пришло телеграмму

Твой Н. Столбинъ.